

Вахтанг Кикабидзе

«Сколько себя помню, сколько мы живем с супругой, она говорит: «Неужели у меня так никогда и не будет дома с двориком, где будет расти дерево, а я буду его поливать?». Значит, есть такая программа, и я обязательно сделаю так, чтобы все дети и внуки сидели за одним столом».

ТВ Парк. - 1997. - 1 сент. - с. 8-9, 10.

Мимино. Полеты во сне и наяву

— Вахтанг Константинович, как вам в голову пришла идея открыть в Москве свой клуб?

— Идея пришла оттого, что квартиры здесь у меня нет. Друзья двадцать четыре часа в сутки приезжают-уезжают из разных городов и сидят у меня в гостиничном номере. Номер маленький. Кавказцы стоя разговаривать не умеют. И если здесь будет место, где я сяду, а ко мне придут люди, и мы обсудим наши проблемы — это мне лично доставит удовольствие. У каждого человека должно быть место. Может, я не прав, но думаю, что прав.

— Почему же в Москве, а не в Тбилиси?

— В Тбилиси собираться не проблема. А Москва — отправная точка в моей актерской жизни. Я отсюда передвигаюсь. Буквально неделю тому назад должен был вылетать в Тюмень, а из Тбилиси в Тюмень не попадешь. Лет через пять, если, Бог даст, все останется тихо-спокойно, Москва будет очень мощным городом. Не так давно мы ездили в Нью-Йорк: московская попса летела, и почему-то меня тоже пригласили. Жили на Манхэттене, концерт был в очень престижном зале «Радио-сити мюзик-холл». Раньше за границей все сразу бежали в магазины, прибархатиться, а теперь у меня ни разу не было такого поползновения. Зачем тащить что-то, когда в Москве можно купить все то же самое? Преображается город на глазах.

— Вы сами построили себе клуб?

— Рабочие построили. Но надо было платить, и мы платили. Бесплатно ничего не делается, особенно в Москве. Здесь мне очень помог друг детства, Володя Симонян. Он юрист по профессии, а в 1992 году бросил все и пошел ко мне директором.

— У вас лично есть опыт в бизнесе?

— Никакого. Много раз предлагали открыть что-нибудь «под мое имя». Не тайна, что так бывает. Но я всегда отказывался. Так что, может, мы и прогорим — в принципе, все может быть. Но я здесь поставил самых лучших, умных ребят.

— Вы вообще по натуре человек собранный, педантичный или импульсивный и романтический?

— Если я занимаюсь чем-то, то довожу до конца. Если мне это интересно.

— Главное — интерес? Вы и певец, и киноартист, и сценарии писали, и фильмы ставили. Вам не столь важно быть в чем-то профессионалом?

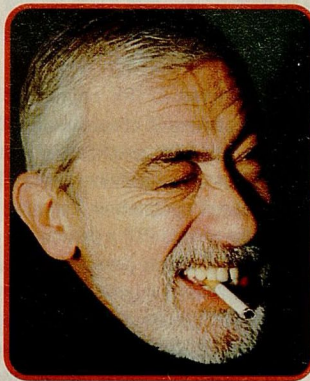
— Нет. Думаю, на эстраде я — профессионал.

— А в связи с новым бизнесом не собираетесь бросить петь? Сколько лет вы уже на сцене?

— Тридцать семь. Но если вы скажете, что надо бросить — придется бросить (шутка). Вообще не хотелось бы, я очень это люблю.

— Где пели в этом году?

— В Литве, Латвии, Эстонии, Казахстане, на Украине, в Сибири, Средней Азии, дома. Я каждый месяц туда наезжаю.

Домашний музей

С внуком Георгием и сыном Константином

— За тридцать семь лет никогда не болели звездной болезнью?

— Сейчас с этим как-то странно. Знаете, года два назад я был с концертами в Ярославле. Там же тогда же шел кинофестиваль. Пригласивший меня человек устроил ужин и позвал еще несколько артистов, чьи имена я не хочу называть. Сидим мы за столом, вдруг появились телевизионщики и стали всех по очереди минут на десять куда-то уводить. Меня тоже вытаскивали. Говорят: «Мы задаем всем один и тот же вопрос: ты звезда или нет?». Я отвечаю: «Такое вообще произносить неудобно. Я из другого поколения». Потом увидел эту передачу. Нас было девять человек. Восемь сказали, что они звезды.

— Как человеку из «другого поколения» удастся здесь и сейчас держаться на плаву, ориентироваться, не выходить в тираж?

— Не думал об этом. Просто было интересно приехать в конце 93-го года и после четырех лет молчания узнать, нужен я кому-нибудь или не нужен. Поначалу зрителей в зале было где-то процентов шестьдесят. Люди приходили, как к покойнику, — с цветами. Потом семьдесят процентов, потом восемьдесят. Очень помогло ваше телевидение. Спасибо. Но вообще я не могу о себе говорить. Человек я очень непрактичный, ничего не анализирую. Просто, еще будучи пацаном, всегда рисовал себя каким-то музыкантом, который играет в варьете. Эти рисунки мама до сих пор сохранила.

— Сколько лет вашей маме?

— Восемьдесят четыре. Она профессиональная певица, была солисткой Первого госджаза Грузии. У нее меццо-сопрано. Очень красивая, я не похож на нее — я на отца похож. Отец — журналист, погиб в 42-м

году. Последние сорок лет мама пела в нашей центральной кафедральной церкви. Она до сих пор очень несерьезно смотрит на мои дела. Я учился в инязе, ушел со второго курса, она не сердилась, знала, что я все равно на эстраду пойду. Но всегда относилась к моему пению критически: «Нельзя так хрипеть».

— Ваш звездный час на эстраде?

— Период «Орэро». Мы стали первой поющей-играющей группой в Советском Союзе. До нас таких не было. Слышали, конечно, что есть «Битлз» в Ливерпуле, и все. Но очень быстро сориентировались, приехали в Москву, и будто бомба разорвалась. Это был 65-й — 66-й года. Я был поющий барабанщик. Мы долго просуществовали — примерно лет десять, но за советскую власть не пели.

— Как же вас не заставляли?

— Заставляли, но не пели. В Грузии не

С Лаймой после записи клипа песни «Дорогие мои москвичи»

было такой тенденции, а здесь так хорошо шла наша лирика, Есенин, что неудобно было приставать с этим. Мы не пели про комсомол с партией никогда.

— Самое счастливое мгновение вашей жизни вне сцены?

— Когда родился сын. Я очень хотел мальчика. Конечно, я знаю, через что женщины проходят, но мне рассказали врачи, что когда он родился, супруга моя смеялась.

— Чем сын сейчас занимается?

— Ему тридцать два года, зовут Константином в честь моего отца, был музыкантом, потом закончил Академию художеств, сейчас работает в посольстве Грузии в Москве. А старшая дочь Марина — артистка Тбилисского драматического театра имени Руставели.

— А внуки чем занимаются?

— Младшие, Вахтанг и Ваня, растут пока. Ване всего два года, Вахтангу десять, он очень хорошо учится. А сыну Марины Георгию — восемнадцать, занимается международным правом, на третьем курсе в Лондонском университете. Причем с него не берут плату за обучение, поскольку он на редкость одаренный мальчик.

— А вы как учились?

— Очень плохо. Я в школе был четырнадцать лет.

— То есть?

— Ну, так. Три раза оставался на второй год. Первый раз — в третьем классе.

— Что вы больше всего не любили из школьных предметов?

— Спросите лучше, что любил. Пение и физкультуру.

— А как же аттестат?

— Да они мечтали, чтобы я уже ушел.

— Все четырнадцать лет вы учились в одной и той же школе?

— Нет, в семи. Тысячу раз зарекался рассказывать журналистам об этом, но все равно рассказываю.

— Но это же прелестно. У вас было счастливое детство.

— Помню, у нас во дворе жил один вор в законе. Но он потом отказался от этого дела, и, в общем, убили его. Такая «Калина красная». Но улица другая была. Мы знали, что значит старшие, мама, что значит слово «уважать». Все мои друзья-ровесники стали хорошими людьми. Сейчас это сложнее. Еще мы очень целеустремленно охраняли каждую девочку, жившую в нашем квартале. Они этого не чувствовали, естественно, у них были какие-то ребята-ухажеры из других мест, но мы всех знали и следили, чтобы девочек никто не обидел. Другая культура жизни.

— Как вы ощущаете свой возраст?

— У меня был знакомый поэт, Петр Грузинский из рода Багратиони. Он сказал однажды: «Удивительная вещь происходит. Мозги — двадцатилетнего мальчика, а когда по лестнице поднимаюсь, бежать уже не могу». То же и со мной происходит.

— Ваше любимое вино?

— Оно сейчас очень редкое, «Ахашени».

— Относительно чего вы наибольший патриот — грузинских тостов, грузинской кухни, гордых грузинских женщин?

— Относительно дружбы, и вне зависимости от того, женщина это или мужчина. В жизни встречался с несколькими людьми, у которых нет друзей. Это несчастные люди. А у меня их много. Самый близкий друг, Володя Михайлов, сейчас в Японии. Он главный дирижер цирка на Ленинских горах, прекрасный музыкант. Познакомились очень давно, когда «Орзро» выступал в программе

«Не горюй!»

На открытии клуба «Не горюй!»

«С праздником, Москва!»

Райкина. Он тогда к нам зашел, тоже был молодой, и сказал: «Вот эту ноту вы нечисто спели».

— По голове не получил?

— Немного получил, но потом доказал, что был прав. С тех пор мы дружны.

— За что вас не любят люди, которые вас не любят?

— Не знаю. Я, в принципе, тяжелый человек. Принимаю скороспелые решения, потом часто жалею. Но отходчивый, если это не касается моих близких друзей. Если друг заложил, ухожу, и все ясно. Но это очень редко. В молодости было, сейчас нет.

— Как вы относитесь к спорту, охоте, рыбалке, домашним животным, путешествиям?

— Рыбак заядлый. Могу всех близких бросить, когда они болеют, и уйти на рыбалку. Все знают, и никто не удивляется. Рыбачил на всех морях и океанах. На экваторе был. Еще очень люблю рисовать. Много друзей-художников. Все свободное время торчу у них в мастерских и завидую. Спорт? В молодости хорошо плавал. Люблю смотреть футбол и бокс. Болею за того, кто проигрывает.

— А с жизнью ваше пристрастие к боксу связано? Много дрались?

— В основном меня били все время (шутка). В детстве, конечно, дрался согласно уличным законам.

— Многие до сих пор видят в вас летчика-анекдотчика из «Мимино». Этот имидж вам не мешает?

— Летчик Мимино был полностью переписан в уже готовом сценарии. Все как раз делали под меня.

— Самолетом-вертолетом вы сами рулили?

— Был дублер, но кое-чему я научился. По утрам мы в горах с тренером, отчаянным мужиком, взлетали без разрешения и минут через двадцать устраивали налеты на арбузные бабки. Приносили арбузы к завтраку. Так что взлететь на вертолете я могу, но упадет он потом или нет — уж не знаю.

— А машину вы водите лихо или осторожно?

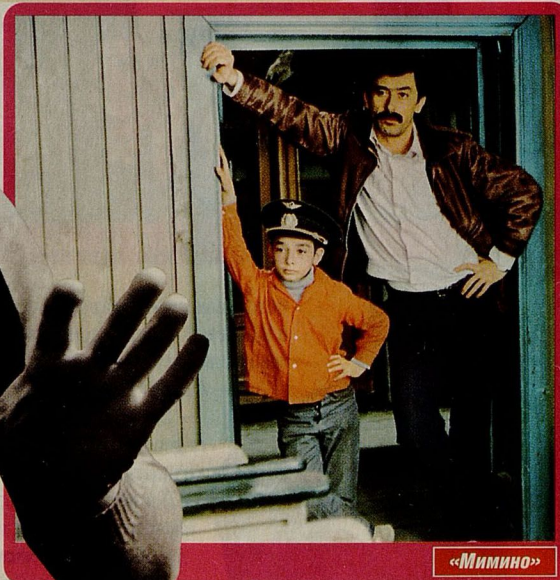
— До того лихачил, что мне за руль запретили садиться. Сносил столбы, в милицейскую будку въезжал. У меня проблема с географией — не ориентируюсь. Если надо идти направо, иду налево. Однажды в Риге тихо взял наш съемочный автомобиль, рулю, впереди машины стоят на красный свет. Рассчитал: «Когда подъеду, они уже рассосутся». Не рассосались.

— Как же вы передвигаетесь по Москве?

— Всегда, когда есть машина, возит водитель. Вообще, мы здесь живем в центре, снимаем номер в гостинице при посольстве, на Старом Арбате.

— А какой у вас дом в Тбилиси?

— Обыкновенная трехкомнатная квартира. Но, сколько себя помню, сколько мы живем с супругой, она говорит: «Неужели у меня так никогда и не будет дома с двориком, где будет расти дерево, а я буду его поливать?». Значит, есть такая программа, и я обязательно сделаю так, чтобы все дети и внуки сидели за одним столом.

«Мимино»

Екатерина Тарханова